

Март 1990 - 12 с. 111.

Наталья Гундарева:

СВОЙ ОСТРОВ

«До театра ли нам!!» — говорят в самые непростые времена и в самой театральной из стран. Именно так. А в театрах между тем плачут и смеются (то ли сравнивая с собой, то ли забывая о себе) зрители. И «звезды» вновь отказываются от интервью. И дают их.

Наталья Гундарева — актриса театра имени Владимира Маяковского дала такое интервью «Труду».

— Люди хотят ходить в театр. Тринадцатый сезон смотрят у нас «Леди Макбет Мценского уезда» и плачут. Если им нужны эти слезы, значит, нужен и театр. Да, на «Леди Макбет» зал полон. Со своего места на сцене я имею возможность видеть зал целиком. И все актеры обычно меня спрашивают: «Наташа, есть на балконе зритель?» «Есть», — отвечаю. «И на первом ярусе есть?» — «И на первом ярусе». Но это сегодня. Я не знаю, что будет завтра.

— Да и никто, наверное, не знает. Но что бы ни произошло в жизни, мы тотчас услышим это со сцены театра.

— Нет, нет и нет! Театр не должен быть отражением жизни. Когда жизнь насильственно поселяют на сцене театров, зрители из зала убегают. Люди спешат в театр, чтобы видеть красоту. Идет «Гамлет» с пятью убийствами — но это благородные, высокие, красивые чувства. Извините меня, но, живя возле помойки, человек не хочет слышать со сцены про свою же помойку. Я это очень хорошо понимаю, я сама такая. Меня иногда раздражают все эти нескончаемые статьи о Сталине, о Хрущеве. Чем они мне помогают? Тем, что мясо на рынке уже 25 рублей?

Разве мне легче, что у моей матери «отняли» жизнь? Ей ведь день за днем талдычат, что при Сталине она не жила, при Хрущеве — тоже и при Брежнев не жила. А ей уже 67. Так она, получая, вообще не жила? Почему у людей с таким бешеным азартом «отбирают» жизнь, не давая ничего взамен? Мне все время твердят: недороды, неурожай. С газетных полос, по телевизору, со сцены театра. А я о «Кубанских казаках» вспоминаю. С доброй улыбкой. Пусть это была киносказка, лубок о нашем «изобилии и сладкой жизни». Мне нужна и эта сказка. Иногда. В искусстве. Я убеждена: театр — это театр, а жизнь — это жизнь.

— Говорите: жизнь есть жизнь... Не поэтому ли в последнее время ведущие актеры все чаще стали «тянуть одеяло на себя»? Оттачивается острый локоть — верный друг. Кстати, среди тех, кому адресуются подобные упреки, я однажды прочла и вашу фамилию.

— Я знаю. Но объясните мне, зачем я буду «тянуть одеяло на себя», если мне платят 350 рублей — играю я один спектакль или пять? Скажете: это пока платят. Хорошо, будет завтра договорная система. Во-первых, меня лично она не пугает. Не хочу показаться нескромной, но думаю, что, если через год после заключения договора с театром сплошных аншлагах, я, может, возьму да скажу: «Расторгаю договор с вами. Мне дует в ваших гримерных. Сильно дует».

— Так в чем же дело? Что вас держит в театре?

— Вера в него. И хочу, чтобы в театр ходили люди. Звучит неправдоподобно романтично? Для русского актера театр — смысл всей его жизни.

— Вы романтик по натуре?

— Была когда-то. Но с возрастом многое проходит: и доброта, и красота, и ум куда-то уносится. Раньше я, подобно молодым героям Достоевского, верила во все. Нет, я не смотрела на мир широко раскрытыми преданными глазами, как это случается у юных, приехавших из глубинки в большой город. Я была сообразительной столичной девочкой: веселой, настойчивой, упругой. Мне казалось, что я могу сдвинуть с мертвой точки многое. А сейчас... И знаете, дело не в возрасте, а в людях, которые изменили жизнь, а она, в свою очередь, — их.

Я родилась в послевоенное время. Хорошо помню себя маленькой. Помню магазины в районе Таганки, где прошло детство. Идем, бывало, с мамой в рыбный магазин, а там громадные осетры висят. Настоящее чудо! Помню первое мамино кошелько с александритом — оно стоило 12 рублей. Помню коммунальные наши квартиры и дворы, где мы, повзрослев, собирались за бутылкой сладкого вина «Лидия». Сидели все вместе, разговаривали, играли на гитаре. И рядом — старшие, вернувшиеся после дружного похода в Тетеринскую баню. слушали наши разговоры. Конечно, всякое происходило в нашем житье-бытье. И дрались, и ругались. Но кто-то помирал, и хоронить шел весь двор. И гробы эти несли на плечах друзья и враги. Я тогда очень верила людям, верила тому, что говорят. А оказалось...

Короче, к сорока двум годам остались только две подружки...

— Живете замкнуто?

— Я мало с кем общаюсь, хотя по натуре человек общительный. Гостей у нас не бывает. Живем с мужем вдвоем, детей нет. И все время некогда.

— Полагаю, я не слишком ошибусь, если назову вас «кинозвездой» или театральной «звездой». Но советской. А как стать мировой? Чего вам для этого не хватает?

— Немногого. Надо купить для меня остров в океане. Определить мне штат, который существует при наших высокопоставленных руководителях. Построить корабль. Накидать в гардероб шуб. И истратить хотя бы миллиона три на мою рекламу.

— Логичнее было бы за это взяться продюсеру, как и происходит везде...

— Наше государство сразу посадит продюсера, у которого окажется столько денег.

— А без острова — никак?

— Никак. Я недавно видела замечательную фотографию с Мэрилин Монро. Она полулежит на кушетке. Женщина, сидящая справа, укладывает ей прическу, женщина слева делает маникюр, кто-то красит глаза, кто-то надевает на «звезду» туфли, сбоку — навтыжку стоит человек и читает текст роли... А мы с собой на съемки свои костюмы возим, потому что казенных не хватает. Сколько раз мне говорили режиссеры: «Наташа, у тебя своего чего-нибудь нет?»

А там начинают с того, что на каждом углу твердят об исключительности актера, на которого однажды решили сделать ставку. Как они виртуозно умеют работать с лицами! Вспомните ту же Мэрилин Монро. Красотка. А на первых своих фотографиях, где ей лет 19, это фубастая, темноволосая девочка с маленькими глазками, которую едва ли назовешь симпатичной. Но, наверное, в странах, где холят «звезд», и зрители их картин живут иначе, чем на моей Родине.

— А что для вас значит Родина?

— Это — мой двор, моя улица. Город складывается из дворов. Без любви «маленьких» хозяев к своим родинам не будет общей. То есть она будет. Формально. Но именно такая неухоженная и неприкаянная, которую мы сегодня кровью и потом перестраиваем. А конца не видать.

— Вы — русский человек. Хотели бы увидеть свою страну русским государством?

— Человек любой нации должен жить там, где он хочет. Кто-то желает сохранить свою культуру? Прекрасно. Но только я не пойму, о какой культуре может идти речь, если во имя нее совершается насилие. Я отказываюсь верить в истинность такой культуры и в искренность намерений ее представителей.

— Как мудро заметил Михаил Дудин: «Люди научились ссорить своих богов». Но когда ссорятся боги, плохо становится не богам, а людям.

— Да-да.

— А что, если в нашей стране в самом деле наступит такой момент, когда будет совсем не до театра, — Наталья Гундарева найдет себе применение?

— Я умею шить, вязать, профессионально готовить, так как заканчивала школу с поварским уклоном.

— У вас, говорят, железная воля?

— Может быть. В жизни она мне очень помогла. Бывает, все вокруг с ног уже валится, а я держусь и уговариваю себя: «Надо. Надо сделать. Надо». И делаю. Главный режиссер нашего театра, помню, после автомобильной катастрофы, в которую я попала, все спрашивал: «Что, вы опять за рулем? Ездите?» — «Езжу, — говорю, — Андрей Александрович. А как же иначе?» — «Все себе доказывайте, доказываете...» — «Да, — отвечаю, — доказываю. И рулю».

— Знаю, у вас были гости из Соединенных Штатов. Что они успели увидеть?

— Мы принимали делегацию из Чикаго, представители которой создали Лигу чикагских театров, — хотят с нами сотрудничать, обмениваться фестивалями. Я возила их в Андроников монастырь в Архангельское. С удовольствием пригласила бы и в свою избушку, что во Владимирской области. Такая там экзотика — русские мужики с топорами, сказочная природа. Да только избушка без комфорта. Дикий остров посреди хаоса бездорожья. Впрочем, я ее обожаю, и зря, пожалуй, не пригласила гостей...

Беседу вел
Н. ТАРАХН.